

*Клиффорду Грину и Деллу де Шанту —
наставникам, коллегам, друзьям*

Благодарности

Большую часть этой книги я написал во время саббатикала, который был мне предоставлен Университетом Южной Флориды и который я провел в качестве приглашенного профессора теологии и этики кафедры Дитриха Бонхёффера в Нью-Йоркской объединенной теологической семинарии. Я благодарю Университет Южной Флориды за предоставленный отпуск, Нью-Йоркскую объединенную теологическую семинарию за приглашение, и особенно благодарю студентов семинарии за возможность апробировать часть материала этой книги. Я благодарю Джини Лежандр, которая помогла мне с рукописью. И благодарю Ноэль Монеа, которая помогла мне со всем остальным.

Введение

«Моменты Бонхёффера», правые и левые

Сопротивление, оказанное Дитрихом Бонхёффером нацизму, стало источником вдохновения для движений сопротивления по всему миру. В своей родной Германии он значительно повлиял на движения, боровшиеся за падение Берлинской стены [Huber 2013]. К тому времени он уже имел устойчивое влияние в Латинской Америке: его идеи заимствовала теология освобождения, используя их для критики репрессивных экономических и политических систем [Santa Ana 1976]. К нему также обращались теологи Южной Африки в ходе борьбы с режимом апартеида [de Gruchy 1984]. Его влияние достигло и Японии, где его идеи использовались в борьбе с фашистскими тенденциями японской монархии [Yamasaki 2013]. Устоявшаяся традиция обращения к теологии сопротивления Бонхёффера недавно получила особенно яркое выражение и в Соединенных Штатах Америки.

Двадцать шестого июня 2015 года Верховный суд вынес решение по так называемому делу «Обергефелл против Ходжеса» (576 U.S.), признав за однополыми парами право на вступление в брак. За несколько месяцев до этого знаменательного решения консервативные христиане почувствовали, что обстоятельства складываются не в их пользу. Рик Скарборо, политический активист и бывший священник церкви Южных баптистов, заявил, что решение о легализации однополых браков приведет к «моменту Бонхёффера»¹ [Johnson 2015]. Эта фраза разошлась по интернету и была подхвачена Ронни Флойдом, президентом

¹ Отсылка к понятию Джона Покока «момент Макиавелли». — *Примеч. пер.*

Южной баптистской конвенции, который за несколько недель до ожидаемого решения суда заявил, что результат, которого они опасаются, будет означать наступление «момента Бонхёффера для каждого пастора в Соединенных Штатах» [Woods 2015].

Эти и им подобные декларации не всегда проясняют, какие именно действия необходимо предпринять в «момент Бонхёффера». В имевшей огромный успех биографии Бонхёффера, написанной Эриком Метаксасом [Метаксас 2012], Бонхёффер был переоткрыт для американских евангеликов: в ней рассказывается история его мученичества, принятого за участие в заговоре с целью убийства Адольфа Гитлера и свержения режима Третьего рейха. Вероятно, отсюда можно заключить, что «момент Бонхёффера» вызывает к насильственному сопротивлению. Готовность связать имя Бонхёффера с насильственным сопротивлением была также продемонстрирована в интервью на Fox News в конце 2016 года. Бизнесмен Мэтью Блэнчфилд попал в заголовки, когда предложил сторонникам избранного тогда президента Дональда Трампа вести свой бизнес где-нибудь в другом месте. Когда Блэнчфилд, объясняя свою позицию в прямом эфире, сослался на фашистские популистские заявления Трампа, интервьюер, Такер Карлсон, поинтересовался: «Если вы считаете, что Трамп — это фашистский диктатор, тогда вам надо организовать настоящее сопротивление. Вы стали бы Дитрихом Бонхёффером. Вот тогда вы боролись бы с ним по-настоящему... Почему бы вам не взять в руки оружие?» [Carlson 2016]. Из этого диалога создается впечатление, что следовать примеру Бонхёффера — значит оказывать насильственное сопротивление.

В последнее время к Бонхёфферу обращаются далеко не только «правые». После избрания Трампа 8 ноября 2016 года профессор религиоведения из Родес-колледжа Стивен Р. Хейнс в интернет-издании *Huffington Post* поделился с шокированными либералами и «умеренными» своими соображениями, которые он почерпнул из жизни и высказываний Бонхёффера. В тексте под названием «Наступил ли наконец момент Бонхёффера?» Хейнс сперва предупреждает, что Трампа не следует приравнивать к Гитлеру. Далее он выдвигает предположение, что нам тем не менее есть чему поучиться у Бонхёффера. Бонхёффер, бывший свидетелем того,

как Гитлер вскружил головы многим христианам, учит нас «не удивляться тому энтузиазму, с которым некоторые христиане приветствовали “революцию” Трампа». А также он учит нас, сказал Хейнс, «что самодовольство может стать “расовой привилегией”» [Haynes 2016]. Христиане, принадлежащие к современным американским «левым» и «центристам», а равно и к «правым», обращаются к Бонхёфферу перед лицом социальных и политических изменений, вызывающих у них сильную тревогу.

И в самом деле, создается впечатление, что в начале президентства Трампа ссылки на Бонхёффера стали повсеместны. Один из протестных плакатов на женском марше, состоявшемся в день инаугурации Трампа, гласил: «Мы должны не только перевязывать раны тех, кто попал под колеса несправедливости, но и сами вставлять палки в эти колеса» (рис. 0.1.). Эти слова взяты из статьи Бонхёффера 1933 года «Церковь перед еврейским вопросом», в которой он публично выступил против нацистского режима [Бонхёффер 2024в: 139]². Через несколько недель после появления этой женщины с плакатом та же цитата появилась в колонке *New York Times*, написанной Дэвидом Бруксом. Брукс задается вопросом, как следует понимать угрозу, исходящую от президентства Трампа, и как ей следует сопротивляться. Первый предложенный Бруксом ответ, который затем будет отброшен ради другого, состоит в том, что Трамп — это угроза авторитаризма. Если угроза в этом, продолжает Брукс, «то моделью нашего сопротивления должен быть Дитрих Бонхёффер... Перед лицом фашизма, пишет он, недостаточно “только перевязывать раны тех, кто попал под колеса государственной машины, [нужно] и самим вставлять палки в эти колеса”» [Brooks 2017].

Но что конкретно здесь имеется в виду? На какие действия намекают плакат и авторская колонка, цитируя фразу о палках в колесах? Брукс предлагает следующую интерпретацию:

² Работы Бонхёффера, которые не издавались на русском, цитируются, как в оригинале, по английскому 17-томному собранию сочинений, “Dietrich Bonhoeffer Works” (принятое сокращение — DBWE), выпущенному издательством Fortress Press. Первая цифра — том собрания сочинений, вторая — страница. Русские переводы цитируются по стандартной системе. — *Примеч. пер.*

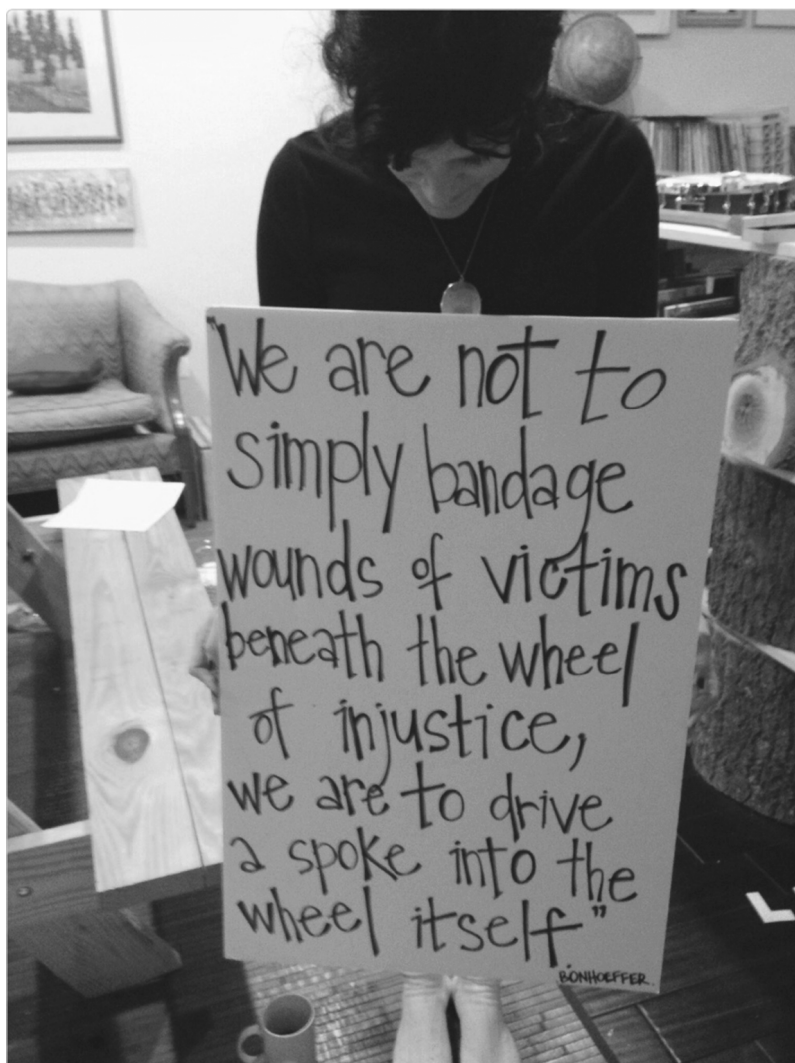

Рис. 0.1. Плакат, который был принесен на инаугурацию Трампа
@ Katie Harris

Если мы находимся в моменте Бонхёффера, следует совершать агрессивные ненасильственные действия: выходить на улицы, перекрывать дорожное движение, срывать заседания городских советов, произносить пламенные речи, направленные на мобилизацию массовой оппозиции.

Я не знаю, как именно понимала эту фразу женщина, нарисовавшая тот плакат, но коль скоро она участвовала в ненасильственном марше, перекрывшем дорожное движение, она, вероятно, понимала ее так же, как и Брукс. В противоположность Такеру Карлсону, который связывал имя Бонхёффера именно с насильственным сопротивлением, здесь оно связывается с блокировкой машинерии власти посредством ненасильственного сопротивления.

Что на самом деле говорил Бонхёффер о политическом сопротивлении?

Что нам делать с этим шквалом ссылок на Бонхёффера? С одной стороны, частота и легкость, с которыми упоминается его имя, наводят на мысль, что история его политического сопротивления Третьему рейху продолжает будоражить воображение людей разных политических взглядов. К его имени и истории обращаются перед лицом социальных и политических изменений, вызывающих сильную тревогу. Самые разные люди демонстрируют знакомство с его биографией, а некоторые — даже знание этой ключевой фразы из соответствующего текста.

С другой стороны, из этих воззваний к Бонхёфферу трудно составить хоть сколько-нибудь ясное представление о наследии его политического сопротивления. Конечно, Бонхёффер участвовал в заговоре с целью свержения режима Третьего рейха и убийства Гитлера. Но связывать его наследие исключительно с этим заговором — значит крайне принижать его роль. Если Бонхёфферу и есть чему нас научить, то явно не тому, что при первых туманных признаках тирании нам следует начинать вооруженное сопротивление. Его участие в заговоре, который должен был увенчаться насилием, стало лишь последним этапом длительного процесса сопротивления, конечной остановкой на долгом и про-

думанном сопротивленческом пути. И если верно, что Бонхёффер писал о необходимости «вставлять палки в колеса» (в другом переводе этой трудной немецкой фразы — «перехватить это колесо»³), причем писал он об этом в контексте сопротивления нацистскому государству, то речь здесь явно не шла о ненасильственных актах гражданского неповиновения. На самом деле он призывал к чему-то совсем другому, а именно к официальной декларации⁴ от лица Международной екуменической церкви.

Хотя мы и ощущаем все более настойчивую потребность сделать Бонхёффера участником наших культурных и политических

³ В немецком оригинале — „dem Rad selbst in die Speichen zu fallen“. Буквально это переводится как «броситься в спицы самого колеса» („to fall within the spokes of the wheel“). Однако на английский эту фразу перевели как «вставить палку/спицу в само колесо» („to jam a spoke in the wheel itself“) и «перехватить это колесо» („to seize the wheel itself“). В этой книге я следую второму варианту, принятому в 12-м томе английского собрания сочинений (DBWE 12: 365). Поскольку установить происхождение этой немецкой фразы трудно, консенсуса относительно того, к какому образу она пытается воззвать, не существует. Отсылает ли она к тормозной системе или запряженной лошади телеге? Призывает ли она к более радикальному действию, например к тому, чтобы отделить повозку от лошади? Или речь идет о самопожертвовании, то есть о том, чтобы самому броситься в колесо? Недавние размышления о переводе этой фразы и версии ее происхождения см. в [Pangritz 2013]. Конечно, разыскания относительно происхождения и перевода этой фразы в определенном объеме полезны, однако лингвистическая рефлексия о словесном образе часто превращается в пустую спекуляцию и, к сожалению, создает впечатление, что предложенный здесь Бонхёффером образ действия сам по себе довольно туманен. Однако Бонхёффер сразу же заявляет, что этот образ действия — это «прямое политическое действие Церкви», которое совершается «евангелическим собором» [Бонхёффер 2024в: 139–140]. Если нам действительно интересно, что вкладывал Бонхёффер в эту фразу, то лучше было бы спросить не о том, к чему отсылает образ „dem Rad selbst in die Speichen zu fallen“, а о том, чем для Бонхёффера было прямое политическое действие, решение о котором принимает Екуменический церковный собор. В седьмой главе я отвечаю на этот вопрос, опираясь на концепцию конкретной заповеди Бонхёффера.

⁴ На протяжении всей книги мы переводим стоящее в оригинале слово proclamation как «провозвестие» или «возвещение», которые в подавляющем большинстве случаев точно соответствуют оригиналу (напр., возвещение Слова Божьего, возвещение Евангелия, церковное провозвестие и т. д.). Однако у proclamation есть и значение официального документа, декларации, которое не покрывается этими словами. Здесь — именно этот случай. — *Примеч. пер.*

бедствий, между его пониманием политического сопротивления и нашим обнаруживается определенная дистанция. Сталкиваясь, например, с фразой о колесе, которая стала символизировать сопротивление тиранической власти, мы по понятным причинам думаем, что речь идет о сопротивлении, каким мы его себе обычно представляем. Но в процессе мы можем заметить, что наше рефлекторное понимание сопротивления может не совпадать с тем, что вкладывал в него автор этой фразы.

Возможно, в этом нет ничего плохого. Может быть, и хорошо, что Бонхёффер оказывается для нас прежде всего источником вдохновения, что его яркая фраза вызывает в памяти смутно припоминаемую историю его сопротивления. В конце концов, когда мы растеряны, небольшая доля исторического вдохновения бывает кстати. Но, быть может, мы смогли бы понять чуть больше, задумайся мы, что в тот самый момент, когда, как нам кажется, мы нашли с Бонхёффером некое общее дело, встав вместе с ним под знамя его фразы, мы тут же расходимся с ним в разных направлениях: он идет путем экуменического провозвестия, а мы — перекрывать дорожное движение. Вероятно, настало время больше узнать о его политических взглядах, что, в свою очередь, позволит лучше понять наши собственные.

Те, кто знаком с историей Бонхёффера-сопротивленца и озадачен тем, как ее используют в современных баталиях, могут поинтересоваться: что же на самом деле говорил Бонхёффер о политическом сопротивлении? Те, кто захочет ответить на этот вопрос, найдут у Бонхёффера разработанную и сложную концепцию сопротивления. В конце концов, он был не только сопротивленцем, но и «теологом, вставшим на путь сопротивления», обученным размышлять и писать о том, что Библия и традиция христианского богословия говорят нам о политической жизни⁵.

Не существует — и это, вероятно, может показаться удивительным — исчерпывающей и при этом доступной книги о сопротивленческой мысли Бонхёффера. Заинтересованный читатель давно мог ознакомиться с его различными биографиями, в каждой из

⁵ «Теолог, вставший на путь сопротивления» — таков подзаголовок книги Кристиана Тица [Tietz 2013]; английский перевод — [Tietz 2016].

которых сопротивлению отведено особое место. Так, Сабин Дрэмм в книге «Дитрих Бонхёффер и сопротивление» [Dramm 2009] предлагает взглянуть на Бонхёффера в свете более широкой темы сопротивления нацизму. Однако, помимо этих биографических и исторических исследований, не существует подробного и доступного изложения сопротивленческой *мысли* Бонхёффера.

Цель этой книги — описать сопротивленческую мысль Бонхёффера в ее целостности⁶. Она требует от нас поместить эту мысль о насильственном политическом сопротивлении в контекст его размышлений о других видах сопротивления; поместить эти размышления о различных видах политического сопротивления в контекст его размышлений о политической жизни вообще; и поместить его размышления о политической жизни в более широкий контекст его теологии, размышлений о мире в целом и о том, как с этим миром соотносится Бог.

План книги

Бонхёффер много размышлял и писал о политической жизни, однако делал он это не с позиции политического теоретика или политического активиста, а с позиции христианского пастора и теолога. Большая часть его речей о политическом сопротивлении была речами теолога, причем зачастую выступающего от лица Церкви. По этой причине его мысль о политическом сопро-

⁶ В некоторых отношениях термин «сопротивление» довольно проблематичен. Во-первых, ему не хватает концептуального единства, причем это касается и академических дискурсов — политической теории, культурной теории и интеллектуальной истории. Во-вторых, он нечасто встречается в корпусе сочинений Бонхёффера. В-третьих, среди исследователей Бонхёффера нет согласия относительно того, что именно этот термин охватывает. Некоторые предпочитают относить его к заговору с целью свержения режима Третьего рейха, другие же используют его шире [Dramm 2009: 17–19]. Тем не менее этот термин полезен для целей настоящей книги. Я использую его широко, применительно ко всякой реакции на несправедливость со стороны государства. Он довольно точно схватывает как интересы различных движений, претендующих на наследие Бонхёффера, так и различные идеи и действия самого Бонхёффера, которые обыкновенно называют «сопротивлением».

тивлении можно понять лишь в более широком контексте его теологии. Поскольку эта книга посвящена в большей степени политической мысли Бонхёффера, чем его теологии в целом, специфически теологические вопросы будут здесь сведены к минимуму. Но поскольку Бонхёффер мыслил политику как теолог, этот минимум будет довольно значительным.

Если нам необходимо поместить политическую мысль Бонхёффера в контекст его теологии и учесть тот факт, что он говорил от лица Церкви, то будет также полезно указать, от лица какой именно Церкви он говорил и какой именно богословской традиции принадлежал. Обычно он говорил как представитель Протестантской церкви, в которой смешаны лютеранская и реформатская церковные традиции. С точки зрения теологии он причислял себя главным образом к лютеранской традиции. Бонхёффер говорил на языке богословия с лютеранским акцентом, что в значительной степени определило его политическое мышление. Понять его политическую мысль — значит не только понять его богословие; для этой задачи также полезно и иной раз необходимо отдавать себе отчет в том, что его богословие было лютеранским⁷.

Знание теологии Бонхёффера и знание о том, что он был именно лютеранским теологом, необходимы для понимания его политического мышления и политического действия, и это подтверждается следующим примером. Главные богословские сочинения Бонхёффера, написанные в 1933 году, опираются на одно ключевое понятие — понятие *status confessionis* (подробнее мы обсудим этот сюжет в восьмой главе). Эту латинскую фразу можно вольно перевести как «состояние/ситуация исповедания» («исповедание» в смысле «исповедания веры», а не «исповеди в грехах»). Эта фраза взята из Формулы согласия, авторитетнейшего документа лютеранской традиции, и ее значение глубоко укоренено в принципах лютеранского богословия. *Status confessionis* — не случайно оброненная Бонхёффером фраза, поскольку именно она определяет логику его сопротивления нацизму на ранних этапах. Бонхёффер полагал, что подъем нацизма затребовал такое «состояние исповедания», и глав-

⁷ Я отталкиваюсь от аргумента о лютеранском характере богословия Бонхёффера, который я доказывал в своей предыдущей книге [DeJonge 2017].

ной формой сопротивления (выраженной в знаменитой фразе о необходимости «перехватить это колесо») для него было именно это особое церковное исповедание. Было бы, следовательно, крайне трудно понять, что он имел в виду, призывая «перехватить это колесо», не понимая смысл понятия *status confessionis*, требующего, в свою очередь, определенного понимания лютеранской традиции, к которой Бонхёффер принадлежал.

Осознавая необходимость определенных познаний в этой традиции, я начинаю первую главу с краткого описания теологической истории, на которой Бонхёффер выстраивает свое понимание политической жизни, а именно истории божественного сотворения мира, грехопадения этого мира и его избавления через Христа. Во второй главе рассматривается специфически лютеранский аспект теологии Бонхёффера, например, доктрина об оправдании и различия между законом и Евангелием, знание о которых необходимо для понимания его политических взглядов.

В третьей главе я перехожу от собственно теологии Бонхёффера к, если угодно, его политическому мышлению, анализируя базовую концептуальную структуру, в большинстве случаев определяющую его политическое мышление, а именно лютеранскую идею о «двух царствах» и «порядках». Двумя главными агентами, или институтами, политической жизни выступают здесь государство и Церковь, и в четвертой главе я покажу, как их понимал Бонхёффер, опираясь на собранный в предшествующих главах материал. В первых четырех главах я проясняю теоретические предпосылки, без которых понять сопротивленческую мысль Бонхёффера будет невозможно.

В оставшихся главах я представлю сопротивленческую мысль и деятельность Бонхёффера, на которые можно взглянуть из двух перекрывающихся перспектив: хронологической и систематической. С точки зрения хронологии деятельность Бонхёффера как активиста сопротивления можно разделить на три этапа, в зависимости от формы, которую его сопротивление принимало в тот или иной период. Первый этап, берущий начало с момента прихода нацистов к власти в конце 1932 — начале 1933 года, характеризуется главным образом сопротивлением через провозвестие

Экуменической церкви (главы 5–9). Второй этап, хотя первые его признаки возникают раньше, окончательно оформляется в 1935 году, когда Бонхёффер возвращается в Германию из Лондона, где служил пастором, чтобы возглавить семинарию. Этот этап характеризуется сопротивлением через страждущее послушание идущей вслед за Христом общины⁸ (см. главы 10–11). В центре третьего этапа, который начинается в 1939 году и определяется участием в заговоре, лежит сопротивление через ответственное индивидуальное действие (см. главы 12–14). Каждый новый этап не отменяет, но, скорее, дополняет предыдущий. Так, целью хождения вслед церковной общины на втором этапе было осуществление авторитетного провозвестия и исповедания первого этапа, и Бонхёффер продолжал призывать и к провозвестию, и к хождению вслед даже во время участия в заговоре⁹.

Если рассматривать сопротивленческую мысль Бонхёффера как систему, ее можно представить в виде шестеричной топологии, которая разрабатывалась им по мере прохождения этих трех этапов (табл. 0.1). Это позволяет увидеть, что Бонхёффер смог сформулировать многогранный и продуманный ответ на государственную несправедливость, ориентированный на конкретную ситуацию и варьирующий внутри себя от обыкновенной политической прокламации до насильственного переворота. Но корнем его сопротивленческой мысли была Церковь. Наиболее сильной формой политического сопротивления для него было

⁸ В оригинале — “discipleship community”. “Discipleship” — перевод немецкого „Nachfolge“, которое лучше всего переводить на русский как «хождение вслед». Книгу Бонхёффера с таким названием автор будет далее неоднократно цитировать. — *Примеч. пер.*

⁹ Эту трехэтапную схему я заимствую у Флориана Шмица [Schmitz 2013; Schmitz forthcoming], который недавно высказывался против распространенной тенденции интерпретировать вслед за Эберхардом Бетге знаменитый фрагмент из статьи «Церковь перед еврейским вопросом» [Бонхёффер 2024b: 139] о трех возможностях церковного действия, как если бы он содержал автобиографическое описание этапов сопротивления Бонхёффера начиная с 1933 года и до момента его смерти. Шмиц указывает на проблемы, возникающие в связи с подобной интерпретацией, и предлагает альтернативное описание сопротивления Бонхёффера, разбивая его на три этапа.

Таблица 0.1. Этапы и типы сопротивления

Первый этап (1932–1935)
Индивидуальное и гуманитарное сопротивление государственной несправедливости
Диаконическое церковное служение жертвам государственной несправедливости
Косвенное политическое слово Церкви в адрес государства
Прямое политическое слово Церкви против несправедливого государства
Второй этап (1935–1939)
Сопротивление через хождение вслед
Третий этап (1939–1945)
Сопротивление посредством ответственного индивидуального действия

вовсе не политическое действие, как мы его себе представляем, будь то в мягкой форме ненасильственного гражданского неповиновения или в радикальной форме насильственного государственного переворота. Самой сильной и значимой формой политического сопротивления для Бонхёффера было Слово Божье, вверенное Церкви. Оно занимало центральное место в сопротивленческой мысли и деятельности Бонхёффера. Защищая другие формы сопротивления или в них участвуя, он ставил их на службу этой высшей форме сопротивления.

В целом я надеюсь, что благодаря этой книге читатели смогут понять, что у Бонхёффера было систематическое, дифференцированное и разработанное видение политической деятельности и сопротивления. Его сопротивленческая мысль носила систематический характер, причем степень ее систематичности зачастую игнорируется. Бонхёффер размышлял над множеством сценариев сопротивления, варьирующихся в зависимости от ситуации, агента сопротивления и средств сопротивления. Систематический характер его сопротивленческой мысли легко упустить из виду, поскольку ее элементы разбросаны по всему корпусу его сочинений, а некоторые он проговаривает лишь мимоходом. Однако

их можно собрать воедино, если реконструировать систематическую картину его политического сопротивления.

В каждом из этих моментов (когда сопротивляются, кто сопротивляется и как сопротивляются) систематического подхода Бонхёффера его мышление строго дифференцировано. Когда он говорит, например, об агентах сопротивления, он проводит различие между сопротивлением отдельных людей, сопротивлением гуманитарных организаций и сопротивлением Церкви — причем последнее будет принимать разный вид в зависимости от того, о какой церковной обязанности идет речь: проповеди или диаконическом служении¹⁰. Внимание к этой дифференциации позволит нам увидеть логическую связность всей сопротивленческой мысли Бонхёффера. Сперва может показаться, что Бонхёффер противоречит себе, когда предлагает различные стратегии сопротивления. Но более пристальный взгляд показывает, что он предлагает две стратегии сопротивления, различающиеся в зависимости от того, например, о каком именно агенте сопротивления в данном случае идет речь.

Утверждение о том, что у Бонхёффера имелаась детально продуманная теология политического сопротивления, может показаться неожиданным: иногда нам кажется, будто он высказывал идеи о сопротивлении на ходу, реагируя на хаотичные события, происходящие в нацистской Германии. Но, как показывает эта книга, ключевые политические и теологические понятия, лежащие в основании его сопротивления, уже были во многом сформулированы к 1933 году. Последующие изменения в его сопротивленческой мысли следует рассматривать скорее как расширение этой сложившейся концептуальной рамки в ответ на резко меняющиеся обстоятельства.

¹⁰ В оригинале — различие между “church in its preaching office” и “the church in its diaconal office”. Плохо переводимое на русский понятие office, происходящее от латинского officium, будет часто встречаться на протяжении всей книги. Мы переводим его как «должность», «обязанность» или «функция». Эти понятия уже оригинала и имеют ограниченный контекст применения, поэтому сохранить единый термин для всех случаев не представляется возможным. — *Примеч. пер.*

Глава 1

Богословская история

Творение

Попробуем для начала широкими мазками изобразить богословскую перспективу Бонхёффера — ту историю, если угодно, на которой выстраивается его политическое мышление. История эта состоит из трех действий: в первом Бог творит мир, во втором творение низвергается в грех, в третьем творение получает Божье избавление через Христа. О первых двух действиях наиболее пронзительно Бонхёффер пишет в «Творении и грехопадении», своих комментариях к Книге Бытия.

Исток творения — божественное Слово. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1: 3). Это означает, согласно Бонхёфферу, что божественное Слово является первичной основополагающей реальностью. Мир — всё, что мы знаем и имеем в опыте, — имеет свой исток и бытие в божественном Слове. Нет никакой возможности заглянуть за божественное Слово в поисках некоей первопричины и первореальности. Нет смысла спрашивать, что было причиной божественного Слова, поскольку это Слово есть причина всего, все сущее существует благодаря божественному Слову [3: 31]. Как предполагает подзаголовок этой книги, идея божественного Слова имеет для политической мысли Бонхёффера первостепенное значение.

Божественное Слово кардинально отлично от слов человеческих. Мы используем слова, чтобы описывать реальность и в какой-то степени ее формировать, как, например, в случае, когда поручаем кому-то что-то сделать или даем обещание на будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru